

Однако, относительно других тем, которые, так или иначе использовались для формирования образа врага, проблема интербригад затрагивалась в британских изданиях редко. Отдельные издания консервативной направленности (например, *The Observer*, *The Daily Mail*, *Evening Standard*, *The Daily Telegraph*, *Daily Herald* и др.) повествовали об интернациональных соединениях республиканской армии эпизодически. Газета консервативной оппозиции *The Yorkshire Post* занимала нейтральную позицию.

Весьма противоречивое отношение к этой проблеме показала *The Times*. В первые месяцы испанской войны газета комментировала сообщения об интернациональных бригадах весьма сдержанно. На заключительном этапе гражданской войны в Испании *The Times*, заняв более критическую в отношении профашистского движения в Европе позицию, стала открыто симпатизировать антифранкистским силам.

Существование интербригад и особенно участие в них британцев создавало в то же время опасную ситуацию открытого противостояния с Германией и Италией, пусть и руками добровольцев, отправившихся в Испанию на свой страх и риск. Можно предположить, что именно с этим связано игнорирование широкого обсуждения проблемы добровольцев в целом ряде изданий.

Источники и литература:

1. *The Times*. – 1936. – 28 Nov.
2. *Daily Express*. – 1937. – 6 Oct.
3. *Daily Express*. – 1937. – 17 Jul.
4. *Western Morning News and Daily Gazette*. – 1937. – 20 Jul.
5. *Daily Express*. – 1937. – 23 Aug.
6. *The Times*. – 1938. – 21 Aug.
7. *The Times*. – 1938. – 22 Sept.
8. *The Times*. – 1938. – 6 Sept.
9. *The Daily Mail*. – 1938. – 13 Oct.
10. *Daily Sketch*. – 1938. – 8 Dec.
11. *The Daily Mail*. – 1938. – 23 Oct.
12. Mackenzy, S. P. *The Foreign Enlistment Act and the Spanish Civil War, 1936–1939* / S. P. Mackenzy // *Twentieth Century British History*. – 1999. – № 1. – P. 52–66.

**К.Г.Э. МАННЕРГЕЙМ И ПРОБЛЕМА НАЧАЛА
СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ 1939–1940 ГГ.**

В.Н. Барышников (Санкт-Петербург)

Вопрос о начале советско-финляндской войны 1939–1940 гг. продолжает иметь определенную дискуссионную основу. В этом отношении в современной России существуют весьма различные утверждения, традиционно основывающиеся на представлениях либо об агрессивных целях, которые преследовал СССР в отношении Финляндии [см: 2, с. 166; 4, с. 271]

либо об особой, ярко выраженной антироссийской политике финского руководства.

Несомненно, оба этих представления требуют соответствующего критического анализа [см.: 9]. При этом однозначно оценивать роль СССР в качестве исключительно только агрессивного государства, которое лишь мечтает о захвате финских территорий, вероятно, не следует. Явно это доказывает факт длительного процесса советско-финляндских переговоров, который начался в феврале 1937 г. и продолжавшегося до ноября 1939 г. Причем в Москве прежде всего стремились не допустить использования территории Финляндии в качестве зоны размещения войск потенциального военного противника. Поскольку западная граница СССР с Финляндией проходила всего в 32 км от центра Ленинграда тогда с финляндским руководством стремились договориться либо о военно-политическом союзе, либо об аренде или обмене территориями. Но оба этих варианта финская сторона отвергала, что, несомненно, вело к обострению отношений.

Одновременно, видимо, не следует тоже отбрасывать и существовавшие в финском обществе в 1920–1930-х гг. антироссийские настроения. Хорошо известно, что после окончания «зимней войны» будущий президент Финляндии Ю.К. Паасикиви вообще назвал ее, войной министра иностранных дел того периода – Э. Эркко [6, s. 131; 13, s. 26; 19, s. 203]. Очевидно, что в этом определении явно указывалось на своеобразии политики, которую проводили в отношении к СССР в Финляндии. В Хельсинки тогда четко пытались позиционироваться в качестве некоего, особого «форпоста Запада» на границах с СССР [12, s. 24–39], а позиция Э. Эркко заключалась в том, чтобы проявлять к СССР достаточную твердость и забыть, что «Россия является великой державой» [см.: 11, s. 187; 22, s. 248]. В данном отношении эти взгляды явно отражали определенные настроения, которые тогда существовали в Финляндии [см.: 7, s. 23–24].

Если принять во внимание именно эти аспекты то, становится предельно понятно почему советские инициативы конца 30-х гг. не получили поддержки с финской стороны и в конечном счете оказались полностью бесплодными. Однако важным представляется все же выяснить позицию по данному вопросу, которую тогда занимал весьма влиятельный военный и государственный деятель страны маршал К.Г.Э. Маннергейм. Его взгляды, несомненно, является очень важными. Но как показывают исторические источники, они не совсем соответствовали представлениям, которые существовали тогда в финляндском руководстве. В частности, в очень критический для Финляндии период начала европейского кризиса весной 1939 г., он явно демонстрировал свое несогласие с позицией финского МИДа в отношении переговоров с СССР. Очевидно, что в это время он весьма много задумывался об особенностях внешней политики Советского Союза. При этом, можно сказать, что уже тогда он явно лучше, чем кто-

либо другой в финском руководстве мог ориентироваться в хитросплетениях советско-финляндских отношений.

В момент начала тайных переговоров Э. Эркко в Хельсинки с советским дипломатом Б. Е. Штейном в марте 1939 г. К. Маннергейм уже явно стремился понять, какие цели преследовала на них Москва. И здесь становится понятно, что он четко исходил из положения, которое, несомненно, должно было учесть руководство Финляндии. Он был убежден, что Штейн в Москву «не должен был возвращаться с пустыми руками». В своих мемуарах он писал об имевших у него тогда встречах с министром иностранных дел Э. Эркко, а также с премьер-министром А. Каяндером и президентом К. Каллио. В ходе состоявшихся тогда бесед, К. Г. Маннергейм каждого из них убеждал, что в сложившихся условиях Финляндия должна «осуществлять сближение с Советским Союзом, чтобы, – как он отметил, – ослабить его (т.е. СССР – *В. Б.*) подозрения». Без всяких оговорок маршал предлагал передать Советскому Союзу ряд запрашиваемых Москвой в ходе переговоров в Финском заливе островов, которые, как он заметил, «нет возможности защищать» [17, s. 96–99].

Очевидно, что данное мнение маршала явно основывалось на отсутствии у него ярко выраженной русофобии. Более того, в отличие от большинства руководства страны [см., например: 1, с. 61–72], он, проживший долгие тридцать лет в царской России, хорошо представлял менталитет великой державы. Маннергейм, как он заметит в своих воспоминаниях, четко улавливал, что Москва от Финляндии «не отступится». Поэтому, как тогда полагал маршал, финляндское руководство должно было само взять инициативу в свои руки и «разрядить обстановку». Как считал Маннергейм, это было бы более выгодным, чем постоянно продолжать стремиться ее нагнетать. Неслучайно, по мнению достаточно близкого к нему генерала Э. Хейнрикса [16, s. 227], уже с 1930-х гг. «для Маннергейма было ясно, что Советский Союз именно из-за Германии смотрит на Финляндию с подозрением» [8, s. 56]. Более того, учитывая обострение положения в Европе, маршал полагал, что для Финляндии было бы и самой «выгодно предложить отодвинуть на несколько километров к западу близко проходящую от Петербурга линию границы» [17, s. 96–99]. Однако эти радикальные идеи так и не учли в руководстве страны.

Тем не менее, конечно, следует также понимать, что в отличии от царской России, Маннергейм не до конца мог разбираться в специфике внешней политики СССР. Да, этого он особо не скрывал [15, s. 23–24]. Очевидно, он также как и многие в Хельсинки рассчитывал, что войну с СССР все же удастся избежать [см.: 18, s. 60; 15, s. 126, 143]. Однако, 29 ноября в Москве сообщили о разрыве дипломатических отношений. Это, несомненно, являлось признаком ближайшего начала войны. К. Г. Маннергейм произошедшее расценил как катастрофу. В момент разрыва межгосударственных отношений маршал лично позвонил премьер-

министру страны А. Каяндеру и «ругал его» так, что находившиеся тогда в кабинете никогда ранее не слышали, «чтобы так когда-либо можно было выразаться» [21, s. 186]. Очевидно, самым дипломатичным из сказанного стало тогда заявление, что «политики... основательно ослабили оборону страны, а теперь довели дело до войны» [14, s. 32].

Таким образом Маннергейм ни коим образом не разделял взглядов тех в финляндском руководстве, которые считали накануне «зимней войны», что СССР просто «блефует» и по отношению к нему надо проводить «твердую линию» [19, s. 163–164]. Он явно пытался разобраться в советской внешнеполитической линии касающейся Финляндии и найти, таким образом, ответ, раскрывающий реальные цели Москвы в отношении его страны. Далее уже став в августе 1944 г. президентом Финляндии он «в узком кругу» прямо признавал, что «наша внешняя политика не должна идти против России» [10, s. 38]. После выхода Финляндии из войны, он стал явно стремиться «всеми силами избегать открытой конфронтации с восточным соседом», указывая на то, что мы «не можем закрывать глаза на русские требования к нам, основанные на стратегических доводах» [20, s. 64–65; см.: 3, с. 258].

Таким образом Маннергейм достаточно трезво оценивал складывающуюся ситуацию, пытался реально учитывать геополитические интересы СССР. Наиболее отчетливо данные тенденции проявились в январе 1945 г., когда Маннергейм в ходе обсуждения с А. А. Ждановым проблем обороны южного побережья Финляндии, предложил советскому руководству заключить такой договор, который бы резко менял весь последующий характер советско-финляндских отношений. Он предложил СССР соглашение о военно-политическом союзе двух государств. То есть то, к чему в СССР безуспешно стремились в отношении Финляндии, начиная со второй половины 1930-х гг.

Более того Маннергейм на переговорах со А. А. Ждановым собственноручно на русском языке вывел первую статью предлагаемого договора [20, s. 59], где говорилось о необходимости в военном отношении «оказывать друг другу поддержку и помощь всеми имеющимися... средствами» [см.: 20, s. 64–65]. Это уже явно указывало на то, что финский маршал стремился учитывать советскую позицию в данной геополитической проблеме. Показательно при этом, что предложенные финским маршалом формулировки затем появились в Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который был подписан СССР с Финляндией в 1948 г. [5, с. 6–8]. Таким образом, Маннергейм оказался достаточно тонким стратегом, о чем свидетельствует и его особая позиция в отношении к советским предложениям еще накануне начала «зимней войны».

Источники и литература:

1. Барышников, В. Н. К вопросу о ксенофобии: была ли советско-финляндская война 1939–1940 гг. «войной Эркко»? / В. Н. Барышников // Труды кафедры истории нового и новейшего времени / редкол.: В. Н. Барышников (пред.) [и др.]. – № 7. – СПб. : Изд-во РХГА, 2011. – С. 61–72.
2. Килин, Ю. М. Карелия в политике советского государства 1920–1941 / Ю. М. Килин. – Петрозаводск : Издательство Петрозаводского государственного университета, 1999. – 275 с.
3. Мейнандер, Х. Финляндия, 1944: Война, общество, настроения / Х. Мейнандер. – М. : Издательство «Весь Мир», 2014. – 400 с.
4. Мусаев В. И. В межвоенный период (1924–1940) / В. И. Мусаев // Петербургский, Петроградский, Ленинградский военный округ (1864–1999). – СПб. : ПОЛИГОН, 1999. – С. 261–299.
5. Советско-финляндские отношения 1948–1983 гг. Договор 1948 г. о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи в действии. Документы и материалы. – М. : Издательство политической литературы, 1983. – 494 с.
6. Brotherus, H. Eljas Erkko, legenda ja eläessään / H. Brotherus. – Porvoo; Helsinki : WSOY, 1973. – 175 s.
7. Frietsch, C. O. Suomen kohtalonvuodet / C. O. Frietsch. – Helsinki : Tammi, 1945. – 574 s.
8. Heinrichs, E. Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II. Suomen marsalkka / E. Heinrichs. – Helsinki-Keuruu : Otava, 1959. – 487 s.
9. Historian kosto. Suomen Talvisota kehyksissään. “Kustannusosakeyhtiö siltala”. – Helsinki : Bookwell Oy, 2015. – 403 s.
10. J. K. Paasikiven päiväkirjat 1944–1956. Osa I. 28.6.1944–24.4.1949. – Porvoo; Helsinki; Juva : WSOY, 1985. – 718 s.
11. Kallenautio, J. Suomi katsoi eteensä / J. Kallenautio. – Helsinki : Tammi, 1985. – 389 s.
12. Kekkonen, U. Nimellä ja nimimerkillä. Osa II / U. Kekkonen. – Keuruu : Otava, 1977. – 408 s.
13. Kleemola, P. Helsingin Sanomat sananvapauden monopoli / P. Kleemola. – Helsinki : Otava, 1981. – 384 s.
14. Krohn, A. 30.11.1939. Talvisodan ensimmäiset tunnit / A. Krohn. – Helsinki : Tammi, 1979. – 255 s.
15. Käkönen, U. A. Sotilasasiamiehenä Moskovassa 1939 / U. A. Käkönen. – Helsinki : Otava, 1966. – 222 s.
16. Lehmus, K. Tunteaton Mannerheim / K. Lehmus. – Helsinki : Wellin+Göös, 1967. – 243 s.
17. Mannerheim, G. Muistelmat. Osa II / G. Mannerheim. – Helsinki : Otava, 1952. – 526 s.
18. Paasonen, A. Marsalkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen asiamiehenä / A. Paasonen. – Helsinki : Wellin+Göös, 1974. – 175 s.
19. Pakaslahti, A. Talvisodan poliittinen näytelmä / A. Pakaslahti. – Porvoo; Helsinki : WSOY, 1970. – 317 s.
20. Polvinen, T. Suomi kansainvälisessä politiikassa. Osa III / T. Polvinen. – Porvoo; Helsinki; Juva : WSOY, 1981. – S. 64–65.
21. Talvela, P. Sotilaan elämä. Muistelmat. Osa I / P. Talvela. – Helsinki : Kirjayhtymä, 1976. – 464 s.
22. Tanner, V. Kahden maailmansodan välissä / V. Tanner. – Helsinki : Tammi, 1966. – 274 s.
23. Tervasmäki, V. Mannerheim – Valtiomies ja sotapäällikkö talvi – ja jatkosotien käännekohtissa / V. Tervasmäki. – Helsinki : Kirjayhtymä, 1987. – 286 s.
24. Ulkoasiainministeriön arkisto. 109 A 10. Pääministeri Rydin ja ministeri Erkon puheet.